

ГИЙОМ ФАЙ

АРХЕОФУТУРИЗМ 2.0

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2021

УДК 82-34
ББК 84-445
Ф12

***Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.***

*Перевод с английского — Евгения Истомина.
Под редакцией Олега Молотова.*

Фай Г..

Ф12 Археофутуризм 2.0. / Пер. с англ. — М.: Тотенбург, 2021. — 262 с.

ISBN 978-5-9216-2373-6

В книге «Археофутуризм» (1999) французский журналист и писатель Гийом Фай (1949–2019) предсказывал скорое возвращение в нашу жизнь элементов архаики, казалось бы, навсегда похороненных. Несмотря на название, перед вами не продолжение первой книги, а скорее ее дополнение и переосмысление. В одиннадцати художественных рассказах автор широкими мазками рисует картины земной жизни — от 1914 года до невообразимо далекого будущего. Читатель станет свидетелем планетарных катастроф и путешествий во времени; увидит, как возникают и рушатся цивилизации, и не только человеческие. Вся земная история предстает бесконечной борьбой двух противостоящих сил — богов и титанов. Жизнь — это борьба за существование, и побеждает в ней не самый сильный, а наиболее приспособленный.

**УДК 82-34
ББК 84-445**

© Е. Истомина,
перевод с английского, 2021

© О. Молотов,
редакция перевода, примечания, 2021

ISBN 978-5-9216-2373-6

© Издательство «Тотенбург», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	4
ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ. МАЛЕНЬКАЯ ИГРА В ПРЕДСКАЗАНИЯ.....	5
ЭПИЗОД ВТОРОЙ. АПОЛЛОН ВЕРНЕТСЯ	30
ЭПИЗОД ТРЕТИЙ. ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ.....	39
ЭПИЗОД ЧЕТВЕРТЫЙ. ВИКИНГИ	60
ЭПИЗОД ПЯТЫЙ. НОВЫЙ МИР.....	76
ЭПИЗОД ШЕСТОЙ. РЕСПУБЛИКА ФЛАНДРИЯ: ПОСЛЕДНИЕ ОГНИ.....	116
ЭПИЗОД СЕДЬМОЙ. НЕОБЫЧНЫЙ ОБЪЕКТ.....	158
ЭПИЗОД ВОСЬМОЙ. СЕНСАЦИОННЫЕ ОТКРЫТИЯ ПРОФЕССОРА МЕМОРА.....	169
ЭПИЗОД ДЕВЯТЫЙ. ОПАСНОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ.....	201
ЭПИЗОД ДЕСЯТЫЙ. ИСТОРИЯ ПОВТОРЯЕТСЯ.....	211
ЭПИЗОД ОДИННАДЦАТЫЙ. ПОТЕРЯННЫЙ ВИД	235
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	257

ПРЕДИСЛОВИЕ

В моем эссе «Археофутуризм», опубликованном в 1999 году и переведенном на итальянский и английский языки, я стремился продемонстрировать читателю две вещи. Во-первых, хотя современности удалось избавиться от наших древних ценностей, они вернутся с новыми силами и, скорее всего, вновь восторжествуют в будущем — как и ставки в игре, как и наш образ мышления. Во-вторых, высока вероятность того, что нынешняя глобальная цивилизация не переживет двадцать первый век. Причиной тому феномен, который я называю «конвергенцией катастроф» и который вполне может произойти в ближайшем будущем. Новое Средневековье уже стучится в двери. Мы находимся на пороге большого перелома в истории человечества — очевидно, самого масштабного.

В конце своего эссе «Археофутуризм» я поместил короткий фантастический рассказ. Он не связан с настоящей работой, но мой редактор попросил меня написать еще несколько историй в том же духе. Так я и сделал.

В итоге у меня получилось одиннадцать рассказов, объединенных общей логикой повествования. Их можно читать в любом порядке, независимо друг от друга, но я бы посоветовал начать с первого (в котором действие происходит в 1914 году), а закончить последним, действие которого разворачивается спустя многие тысячелетия. Познакомьтесь с вашим возможным будущим, будущим ваших потомков! Приятного чтения.

Гийом Фай

ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ

МАЛЕНЬКАЯ ИГРА В ПРЕДСКАЗАНИЯ

*Хороший моряк знает, что море ненавидит его;
лишь только он покидает порт, начинается шторм.*

Эврада Наюр, «Хроники отчаяния»

I

Июнь 1914 года. Европа пребывает на пике своей мощи. Лето гордо вступает в свои права — оно вот-вот засияет ярко, словно солнце. Это последнее лето «Прекрасной эпохи»¹, чудесные последние деньки перед железной бурей. И хотя трения в международной политике продолжают волновать умы, высшее общество остается безмятежным: наверняка этот кризис минует нас, как в 1910 году. Кайзер никогда не решится на войну. Он же не сумасшедший!

Ромуальд и его молодые друзья готовились провести лето в Биаррице, самом фешенебельном в то время местечке. Все они собирались отправиться туда на следующей неделе, в салоне нового, исключительно комфортабельного ночного экспресса «Голубая стрела». Связывая Париж и роскошный баскский курорт, он бежал по рельсам со скоростью

¹ Прекрасная эпоха (фр. La Belle Époque) — условное обозначение периода европейской (в первую очередь французской и бельгийской) истории между 70-ми годами XIX века и 1914 годом. — *Прим. пер.*

более восьмидесяти километров в час — настоящее чудо прогресса! Но его отправления еще следовало дожидаться, и чтобы скоротать время, они пригласили на чаепитие весьма уважаемую и дорогостоящую ясновидящую. Урожденная гречанка, пятидесятилетняя мадемуазель Дельфиния Пифия была любимицей парижской публики, хоть и одевалась как де-вушка по вызову. Успех пришел к Пифии благодаря ошеломляющей точности ее предсказаний; кроме того, она не стремилась порадовать клиента хорошими новостями, чтобы оправдать выложенную на стол сумму денег, и этим выгодно отличалась от своих конкурентов. Она приобрела скандальную известность в феврале 1912 года, когда предупредила богатую американскую наследницу, бывшую в Париже проездом, о скорой гибели ее супруга в кораблекрушении по пути домой — из Шербура в Нью-Йорк. Так и случилось: Абрахам Гулд, металлургический король из Питтсбурга, расстался с жизнью при крушении «Титаника». Его молодая жена Джениет была спасена «Карпатией» и выжила. Эта история ходила по всему Парижу.

Так что Ромуальд с несколькими молодыми друзьями решил послать ей приглашение. Их не интересовало предсказание личной судьбы, они лишь хотели сыграть в маленькую игру с предсказанием будущего Франции, Европы, мира, человечества... Им хотелось развеять нелепое беспокойство некоторых своих друзей, напуганных мыслью о возможной войне. Мадемуазель Пифия (никто не верил, что это имя настоящее) соблазнилась привлекательной суммой, которую ей предложили: пять сотен золотых франков.

В самом конце Прекрасной эпохи, несмотря на царствование научной идеологии, сливки общества

обожали предсказания и охотно изменяли любви к прогрессу, когда появлялся шанс пообщаться с покойниками, посетить дома с приведениями, сделать фотографии призраков и так далее.

Компания устроилась на залитой солнцем террасе уютного кафе в очаровательном городке Оне-су-Буа к северо-востоку от Парижа, где Ромуальду принадлежало красивое поместье. Оно досталось ему в наследство от отца, состоятельного торговца импортной древесиной из Канады. В том месте, в то время, удовольствие от жизни по-прежнему что-то значило. Зажиточные буржуа и скромные работяги жили бок о бок в гармонии. В центре города золотая молодежь из знати и богатейшей буржуазии купалась в чувстве беззаботности и уверенности, которое сопровождало наступление нового века, эпохи бесконечного мира и прогресса, как предсказывал в своем стихотворении «Двадцатый век» Виктор Гюго (в конце сборника «Легенда веков»).

II

Когда с чаем, равно как и с кофе, было покончено, молодые люди занялись обрезкой и прикуриванием сигар, пока усатый официант подавал им абсент, а дамам — капельку портвейна. Наконец Ромуальд задал провидице первый вопрос.

— Душечка, каким вам видится будущее? Что вы думаете по поводу этих слухов о войне с Германией?

Ее ответ был резким и удручающим:

— В конце лета начнется такая жестокая война, какой люди еще не видели. Она будет идти больше че-

тырех лет. Эта война станет началом конца — не только Европы, но и всей известной нам цивилизации.

— С чего вы это взяли? — хихикнула молодая и симпатичная виконтесса Альбре.

— Потому что, — довольно мрачно ответила провидица, — у этой войны, в которой Германия потерпит поражение, будут последствия. Ее эхо будет разноситься по миру весь 20-й век. А с его концом свершится великая катастрофа.

Девушка ошеломленно опустила глаза. Дельфиния раздраженно обратилась к Ромуальду:

— В правилах вашей игры ничего не говорилось об ответах на неясные вопросы. Мой дар работает только с очень точными и конкретными вопросами. Они должны быть связаны с местом, в котором я нахожусь, и с вещами, которые вижу перед собой.

III

Юный наследник пригладил свой шелковый галстук и задал новый вопрос:

— Скажем... Какой будет эта миловидная теннисная площадка через три года, в июне 1917-го?

Дельфиния сосредоточилась, закрыла глаза, а потом сказала:

— Кафе, где мы сейчас сидим, закрыто. Никаких клиентов здесь нет. По площади снуют медсестры и монахини, они вытаскивают смертельно раненых людей из грузового автомобиля. Их укладывают на носилки, они стонут. Их несут в сторону вон той улицы, туда...

— Да, — отрешенно отметил Ромуальд. — В паре сотен метров отсюда есть католический приют.

В разговор решил вмешаться молодой и надменный маркиз де Сенк-Фор, известный в основном прожиганием семейного состояния в игорных домах Елисейских полей. Он был монархистом, националистом, резко настроенным против Германии, и членом набирающего популярность движения «Аксьон Франсез». Недавно он завершил трехлетнюю военную службу в звании лейтенанта тридцать третьего полка линейной пехоты. Будучи умелым оболъстителем, он старался впечатлить прелестную Жанну д'Альбре, сидевшую рядом с ним. Он подкрутил усы и сказал:

— Уважаемая мадемуазель Пифия, видите герб на моем перстне с печатью? — он протянул к ней руку. — Два грозных льва на голубом поле. Где будет этот перстень, скажем... Через десять лет, в июне 1924 года? К тому времени мне уже исполнится... Тридцать четыре года! И я надеюсь уже стать мужем и отцом, — сказал он и слегка коснулся руки Жанны.

Провидица осушила свой бокал портвейна и уставилась на кольцо. Она прикоснулась к нему, потерла палец молодого человека и закрыла глаза. Какое-то время присутствующие сидели в тишине, а затем она ответила:

— В указанный день это прелестное изделие будет покоиться на глубине приблизительно двух метров под землей. Я вижу его вокруг фаланги пальца.

— О... А где? — молодой маркиз побледнел.

— Сейчас посмотрим... На востоке Франции. В старом лесу, уничтоженном артиллерией, где больше ничего не растет. К северо-востоку от маленького городка Верден.

Это странное предсказание произвело гнетущее впечатление на присутствующих. Ромуальд решил

разрядить обстановку. Он рассмеялся и заказал еще по порции абсента.

— Ладно! А через пятнадцать лет, в 1930 году, что станет с очаровательной маленькой площадью и этим кафе? Его ведь откроют снова? Я на это надеюсь.

— Да, здесь будет танцевальный зал. Его посетители выглядят счастливыми, они танцуют. Похоже, жизнь наладилась. Одежда сильно изменилась. Рядом припаркованы автомобили, другие ездят по площади, и они гораздо современнее наших. Кажется, что все снова хорошо, но это иллюзия. Пожар не потушен, он тлеет.

Альбер Отфель, молодой, гениальный студент Политехнической школы, любитель автомобилей и зарождающейся авиации, поднял бокал для тоста и пробормотал с улыбкой: «Что ж, мне уже лучше! Прогресс будет спасен! Давайте выпьем за это!» Затем он добавил:

— Давайте продолжим нашу маленькую игру, уважаемая мадам. Перескочим еще через десять лет, в июнь 1940 года. Как выглядит эта площадь теперь? Наверное, автомобили стали еще лучше?

— Я вижу *исход*.

— Прошу прощения?

— Да... Буржуазные семьи в ужасе запикивают чемоданы в огромные автомобили, заводят их и уносятся на юг. По площади едет запряженная мулом повозка, набитая крестьянами и нагруженная матрасами и прочими пожитками. Я вижу человека, который кричит: «Поторопитесь! Немецкие *панцеры* будут здесь уже завтра!»

Мисс Бозанк де Бродт, которая брала уроки танцев и пения и надеялась сделать карьеру в кабаре или в Опере (она еще не определилась — ее нравст-

венные нормы были весьма гибкими), заметила издевательским тоном:

— Снова вы со своими немцами! Я думала, они проиграли войну. Вы хотите сказать, что они вернуться?

— Верно. Адское пламя пылает вновь. Конец еще не настал, но он приближается.

— Как забавно! Мне к тому времени будет сорок шесть лет. Я буду на пике своей карьеры. Надеюсь, прусские солдаты придут посмотреть на мое выступление!

Весь стол принялся смеяться, кроме Ромуальда, который задал провидице следующий вопрос.

IV

— Давайте перенесемся еще дальше в будущее. Уважаемая Дельфиния, опишите нам эту городскую площадь через пятьдесят лет, в июне 1964 года. Я позволю вам сосредоточиться и закажу вам еще один бокал портвейна.

Она закрыла глаза. За столом воцарилась тишина. Прошла минута, и все услышали предсказание:

— Кафе, в котором мы сидим, больше нет. Те дома за площадью, — она указала на красивые буржуазные дома с садами, — сносят. Здесь просторная строительная площадка. Огромные машины, краны и сотни рабочих возводят гигантские здания, напоминающие кубы, испещренные тысячами окон. Одно из них высотой в семнадцать этажей, а...

— Как в Нью-Йорке, — нетерпеливо перебил ее Альбер Отфель. — Однако вы предсказывали, что наша цивилизация развалится, что надвигается ката-

строфа. Но то, что вы описали, — это прогресс! Оне-су-Буа превратится в Нью-Йорк!

Мадемуазель Пифия фыркнула и встретила с ним взглядом:

— Терпение, мой юный друг. Много же дала вам учеба в вашей любимой военной академии! Вам так и не рассказали, что человеческие общества и цивилизации похожи на наши тела. Сначала болезни и микробы запускают в организме кризис; он преодолит, и после победы над ним развитие организма продолжается. Но через какое-то время наступает переломный момент, за которым следует крах всей системы и смерть. То же случится с сегодняшней Европой: зло уже здесь, но ему нужно время, а нынешние люди этого не понимают. Не будут понимать и люди будущего: если не считать некоторых, человечество перестанет понимать, что происходит у него перед глазами, пока не будет слишком поздно. Обратный отсчет уже начался.

Это замечание задело за живое Ромуальда, который был настолько же привязан к своему намерению создать семью, насколько и озабочен будущим Франции и той внушительной цивилизации прогресса и комфорта, свидетелем рождения которой стало его поколение. Хотя на самом деле он не поверил ее словам, его поражала внутренняя уверенность, которую излучала ясновидящая. И разве помимо крушения Титаника в 1912 году она не предсказала, например, убийство Великого визиря в Стамбуле в июне прошлого года? Или возвращение в Лувр «Моны Лизы», которую похитили во Флоренции за пару лет до этого?

V

— Давайте продолжим нашу игру и заглянем еще дальше в будущее. Каким вы видите это место, скажем, в начале 21-го века, ровно через сотню лет, 21 июня 2014 года?

У всех присутствующих возникло странное впечатление, будто зеленые глаза провидицы быстро вращаются в глазницах. Она глубоко вздохнула, осушила свой бокал портвейна и произнесла жутковатым голосом:

— В этом месте теперь совсем другая атмосфера. Теперь здесь стоит мечеть, полная верующих. Насколько я вижу, все они арабы.

Амори де Сенк-Фор с усмешкой закатил глаза:

— Мечеть? Почему не индуистский храм?

— Шпиль маленькой церкви, который сейчас возвышается над крышами, больше не виден. Может, ее больше и нет, а может, ее просто скрывают дома вдоль длинного проспекта; все они напоминают гигантские вертикальные коробки, очень высокие и похожи друг на друга. У подножия этих зданий видно детей, подростков, странно одетых молодых людей, которые либо валяются, где придется, либо ругаются друг с другом. Большинство из них чернокожие. Тротуары этой широкой улицы заняты круглыми неподвижными автомобилями. Здесь ходят женщины, окруженные темнокожими детьми. Голова каждой из них покрыта, у некоторых даже лица прикрыты черной тканью. Напротив места, где мы сейчас сидим, примерно в паре сотен метров, я вижу длинное, низкое здание, которое...

— Мечеть, темнокожие, покрытые женщины? Но вы же описываете колонию, дорогуша, — пре-

рвал ее Гонтран Мисра-Белькоэ, молодой человек из богатой семьи, посещавший Колониальную школу и готовившийся к блестящей карьере администратора во Французской Африке. — Ваше видение ускользает... мы сидим здесь, во Франции, а вы описываете нам Тимбукту!

— Не говоря уже о том, — добавил Альбер, — что через сотню лет наука и прогресс уничтожат все религиозные предрассудки. Таково мое мнение, все к этому идет.

— Тихо! Дайте ей сказать! — не выдержал Ромуальд. — Продолжайте, мадемуазель.

Дельфиния глубоко вздохнула и продолжила. Судя по голосу, попытки глядеть в будущее изрядно ее утомили:

— Так вот, примерно в двухстах метрах отсюда, справа, я видела большое, длинное здание, на котором красными буквами было написано: «Супермаркет Аш...» Половина этой надписи обгорела, думаю, там был пожар. Мне кажется, внутри все разворовано. В небе я видела любопытный черный объект, пролетающий над городом с громким ревом. Сверху у него было что-то вроде колеса, которое очень быстро вращалось. Я слышала и другой шум в отдалении, будто визг неугомонных сирен. Мое видение закончилось. Оно почти лишило меня сил...

— Попробуйте еще раз, — взмолился Ромуальд. — У меня остался последний вопрос, и я дам вам еще сотню золотых франков.

VI

Собравшиеся молодые люди чувствовали себя обеспокоенно. Последние несколько ответов провидицы совершенно не соответствовали их представлениям о будущем. Больше никто не заказывал напитки.

— Что ж... Задавайте свой вопрос, молодой человек.

— Он довольно прост, и он будет последним, мадмуазель: отправьтесь еще на сотню лет вперед, два столетия с сегодняшнего дня, в двадцать первое июня 2114 года. Опишите нам это безмятежное место, в котором мы сейчас сидим.

Провидица вздохнула, поднялась и сделала несколько шагов к центру площади. Ошеломленные официанты наблюдали, как она раскинула перед собой руки и закрыла глаза. Потом она села обратно. Ее напудренное лицо изобразило хмурую улыбку, сулившую неприятности. Можно было подумать, будто она ведьма.

— Место и впрямь по-прежнему безмятежно. Я вижу прелестное солнце, каким оно бывает в день июньского равноденствия. С деревьев доносится пение птиц, точно как сегодня. Но за деревьями больше никто не ухаживает, они не пострижены, в отличие от тех, что мы видим на площади сейчас. Они кажутся дикими, а земля под ними устлана низкими кустарниками и пышным папоротником, всюду плетется терновник. Те большие здания, которые возвели здесь столетие назад, — теперь лишь огромные руины, возвышающиеся над лесом и покрытые растительностью.

Компания словно набрала в рот воды, поддавшись смутному страху.

— Она не в себе, — прошептал Гонтран молодому маркизу, чтобы подбодрить себя.

Тот тихо ответил:

— Этот дурень Ромуальд только что дал ей сотню золотых франков. Теперь она рассказывает ему сказку, чтобы подпитать его страхи и фантазии. А все для того, чтобы он заплатил ей еще больше и услышал новые сенсационные фальшивые откровения. Опровергнуть ее слова невозможно.

— Так значит, не осталось ни одного человека? Ничего, кроме леса и развалин? — спросил Ромуальд.

— Погодите секунду... Да... Примерно в сотне метров отсюда я видела полянку, усыпанную маленькими избушками из веток и металлолома. Несколько взрослых и детей собрались у костра, некоторые сидят на корточках. Похоже, они готовят пойманное ими животное. Они громко о чем-то разговаривают, видимо, спорят.

— Но во что они одеты? Как они выглядят? — спросила юная виконтесса Альбре, взбивая тяжелый воздух веером, расписанным в китайском стиле.

— Они почти обнажены, на некоторых надеты шкуры. Лица и тела мужчин расписаны краской. У всех очень темная кожа.

— Они... черные?

— Да, мадемуазель виконтесса, они черные.

VII

Но теплое солнце этого июньского дня рассеяло все эти несчастливые предсказания. Молодые люди не осознавали, что проживают последние счастливые дни.

Следующим вечером их маленькая компания отужинала в роскошно оформленной Train Bleu — новой закусочной с видом на пути, а уже в десять часов, на платформе номер пять Лионского вокзала компания с удобством размещалась в купе «Голубой стрелы». Молодые люди сплетничали и смеялись, пока носильщики укладывали их чемоданы в подбитые ватой багажные отделения — по одному на пассажира. Разумеется, дамы отправились в другой спальный вагон.

Ромуальд и Альбер пошли пропустить по рюмке коньяка и выкурить по сигаре в баре вагона-ресторана, прежде чем отправиться спать. Когда они проезжали маленький, скудно освещенный городок Этамп, локомотив испустил долгий, зловещий трубный вой.

— Ты веришь всему, что наговорила эта сумасшедшая старая карга? — спросил Альбер.

— Не знаю насчет далекого будущего... но картина ужасной войны с Германией пугает меня.

— Да не будет никакой войны! Кайзер не станет рисковать, он не выступит против Тройственной Антанты — сразу против Великобритании, Российской империи и нас!

— Мне не нравится националистическое безумие в Европе. У меня такое чувство, будто это лето — наши последние счастливые дни.

Устроившись на своем месте, Ромуальд никак не мог уснуть. На ум приходили последние слова предсказательницы: «Не забудь! Не забудь! До начала осталось чуть больше месяца! В начале августа этого проклятого года! 1914!»

Их отдых в Биаррице оказался очаровательным. Июль 1914 года останется в их воспоминаниях последним цветением счастья, сладким ароматом

поздних дней Прекрасной эпохи, в полной мере заслужившей такое название.

Когда 28 июня на исходе дня проводивший время в казино за игрой в рулетку Ромуальд узнал, что наследник престола Австро-Венгрии Франц Фердинанд убит сербским националистом, лишь он один обеспокоился по этому поводу. Но утром 29 июля золотая молодежь, устроившаяся на террасе дворца Мирамар, чтобы насладиться английским завтраком под аккомпанемент морских волн, увидела в газете «Аврора» заголовок, занимавший все пять колонок первой полосы: «Нападение Австро-Венгрии». Они в ужасе посмотрели друг на друга. Все знали о франко-сербском пакте. Неужели гадалка оказалась права? В тот день очарование поездки рассеялось и уже не вернулось. Начались дожди. Вечером первого августа все перевернулось с ног на голову. Ромуальд уже понял: это был конец старого мира.

Они ужинали в элегантном ресторане «Океан», который был одновременно и кафе, и музыкальном клубом — самым дорогим и модным местом в Биаррице. В обеденную залу вбежал человек и, задыхаясь, прокричал: «Германия объявила войну России!» Настала гробовая тишина, шум тысяч разговоров мгновенно умолк. Внезапно оркестр, до того игравший нежные мелодии Оффенбаха, разразился первыми нотами русского имперского гимна «Боже, Царя храни!» композитора Львова, а потом сразу перешел к «Марсельезе».

Все, кроме Ромуальда, поднялись из-за столов. Он побледнел и почувствовал слабость, а потому не смог встать из кресла. Амори де Сенк-Фор закрычал во весь голос: «Да здравствует Франция! Да здравствует царь!»

Их комнаты были оплачены до 20 августа, но уже третьего Германия объявила войну Великобритании и Франции. Была объявлена мобилизация. Их отпуску пришел конец. Той же ночью они срочно вернулись в Париж на «Голубой стреле». Все четверо, лежа на своих койках, понимали, что спят в нормальной постели в последний раз. Обстановка вокруг была зловещей, и только Амори ничего не замечал. Он все повторял: «Мы еще так посмеемся! Клянусь всеми святыми, мы будем в Берлине! А на Рождество вы все приглашены ко мне в гости! Будем праздновать победу, ничего другого не планируйте!»

VIII

Боевые действия уже начались. Бельгийская армия сопротивлялась героически, но ей пришлось отступить. В сентябре Жанна д'Альбре, которую одолевала чернейшая тоска, назначила встречу с провидицей. Ее приняли в роскошных апартаментах на улице Боске. Цена консультации составляла сто восемьдесят золотых франков.

— Как видите, я оказалась права, мадемуазель. Война действительно началась! Что вы желаете знать?

— Во время нашей поездки в Биарриц мы с Амори де Сенк-Фором решили пожениться. Но его призвали в 33-й полк, и пока что мы всего лишь помолвлены.

— И вам хотелось бы дождаться окончания войны, чтобы пожениться и создать семью, верно? Вы хотите знать, выживет ли он?

— Да, — выдохнула она. — Но меня беспокоит ваше июньское предсказание в Оне-су-Буа. Вы ска-

зали, что в 1924 году его кольцо будет покоиться в земле, вокруг фаланги пальца. Умоляю, мадам, ответьте, что вы видите?

Ее голос, ее руки дрожали. Она подняла сетку на украшенной цветами шляпке. Ее узкое юное личико казалось восковым, несмотря на нежные розовые румяна на щеках. Провидица замешкалась с ответом и сжала руку девушки.

— В любом случае он все еще будет жив, когда настанет время следующего отпуска. Лейтенант вернется на несколько дней к Рождеству, не так ли? 23 декабря.

Девушка кивнула, потрясенная тем, что предсказательнице известно и звание Амори, и дата его отпуска.

— Поэтому, мадемуазель, воспользуйтесь его коротким визитом не только для того, чтобы пожениться, но и чтобы зачать ребенка.

Красавица Жанна покинула консультацию совершенно подавленной.

IX

Двое молодых аристократов быстро поженились на следующий день после Рождества 1914 года. 26 сентября 1915 года под знаком Весов родилась маленькая Элеонора. Ее отец получил возможность увидеть дочь и впервые подержать ее на руках во время особо долгого отпуска, пожалованного в честь рождения ребенка: с 5 по 10 октября. Во второй (и в последний) раз он увидел ее во время отпуска с 4 по 9 апреля 1916 года. В конце каждого дня Жанна благодарила Бога за то, что сегодня полиция не

пришла сообщить ей о смерти Амори. В то же время Амори из-за чудовищной нехватки офицеров стал капитаном, командиром роты.

Пришла пора и 33-му полку быть брошенным в адское пекло Вердена. Седьмого мая 1916 года, в девять утра, после активного размягчения немецких заграждений французскими 120-миллиметровыми и 75-миллиметровыми пушками, капитан Амори де Сенк-Фор во главе своей пятой роты покинул окопы: началось наступление на немецкие позиции близ Дуамона. Его солдаты, сплошь молодые селяне из-под Леона, что в регионе Бретань, не слишком понимали его парижский французский. Кроме того, под его командованием служила сенегальская вспомогательная пехота, солдаты которой понимали его не лучше. Их атака была отбита шквалом 180-миллиметрового огня Второго артиллерийского полка, расположенного в пяти километрах от них, также известного как «королевские баварцы». В тот момент, когда 5-я рота с примкнутыми штыками поднялась на атаку форта, чтобы отвоевать его, Амори и его солдаты угодили под оглушающий залп снарядов, снаряженных пикриновой кислотой. Тело молодого капитана мгновенно превратилось в пыль, а его разбросанные обугленные конечности, как и останки его людей, оказались погребены под несколькими метрами земли, которой их забросало после разрыва снарядов. Этот взрыв оставил нетронутым лишь его офицерский револьвер, подброшенный в воздух ударной волной — шестизарядник модели 1892 года, заряженный пулями калибра 8 мм. На стволе, а также на рукоятке револьвера был выгравирован порядковый номер ADCF 33507.

Жанна д'Альбре растила Элеонору в доме своих родителей в Оне-су-Буа, симпатичном мирном северном пригороде Парижа. Следующий отпуск Амори должен был состояться через два месяца, и она считала дни до этого события. Утром 13 мая ее пронзило ужасное предчувствие, когда она услышала звук, которого всегда боялась: стук копыт, замерший на пороге ее огромного дома, а не затихнувший вдалеке. Она подбежала к окну и увидела двух полицейских офицеров. Тот, что был в младшем звании, спустился с лошади со свертком в руках. Это все же случилось.

Основным занятием полицейских в период с 1914 по 1918 год была отнюдь не поимка мелких воришек (они все либо были мобилизованы, либо отсиживались там, откуда выползли), а беготня по всей тыловой Франции. Полицейские оповещали семьи павших солдат о смерти сына, брата или мужа и возвращали вещи, принадлежавшие покойному, прилагая к ним посмертные награды, пожалованные армейским командованием.

У нее даже не было сил плакать. Пожилой полицейский (все молодые ушли на фронт) объяснил Жанне, что тело ее супруга было полностью уничтожено взрывом снаряда. Он передал ей стандартный сертификат («Погиб за Францию») и сказал: «Мне приказано вернуть вам его служебный револьвер. Он был найден рядом с местом его гибели от артиллерийского огня; мне также приказано сообщить вам, что его смерть не была напрасной, поскольку в ходе атаки его полка форт Дуамон был возвращен Франции». Он попрощался и ушел.

Предсказания гадалки сбылись с поразительной точностью.

Х

Даже не понимая зачем, Жанна, чьи родители были одними из немногих обладателей телефонов в Оне-су-Буа, позвонила гадалке в тот же вечер. Встречу назначили на послезавтра. Единственным украшением заплаканной молодой вдовы, одетой в траур, была брошь на груди. Она передела кольцо на безымянный палец правой руки, как было принято у вдов в среде старой аристократии.

Как только служанка проводила ее в комнату для гаданий, Дельфиния все поняла. И она *увидела* кое-что еще.

— Хорошо, что вы пришли, мадам маркиза. Я и без своего дара, по вашему наряду вижу, что маркиз де Сенк-Фор погиб за Францию.

— Да... И я пришла к вам за несколько необычной консультацией...

Молодая виконтесса, недавно ставшая маркизой (и сохранившая свой титул в качестве вдовы), сдержала свои слезы и рассказала провидице, что последовала ее совету в 1914 году: она поспешно вышла замуж и родила маленькую Элеонору, которой теперь было восемь месяцев. Ей хотелось знать, что станет с маленькой сироткой, каким будет ее будущее. Провидица ответила уклончиво:

— Полагаю, офицер сообщил вам обстоятельства смерти вашего мужа. Не могли бы вы рассказать мне о них?

Жанне показалось, что провидица уже и так все знает.

— Его тело сгорело дотла в огне немецкого снаряда, а останки оказались под землей. Все вышло так, как вы предупреждали в июне 14-го года, когда гово-

рили, что его кольцо упокоится вокруг фаланги пальца. Чудовищно! — она громко всхлипнула. — Но полицейский также вернул мне его служебный револьвер, который нашли невредимым возле воронки.

— Что бы вы ни делали, мадам, бережно храните этот револьвер!

Наступила тишина.

— Но какая великолепная у вас брошь! Дайте мне ее в руки — мое видение исчезает.

Это было весьма ценное изделие, очень модное в высшем обществе: круглая камья трех сантиметров в диаметре, украшенная резьбой с цветочным узором. Под крышкой скрывались часы, механизм которых полностью состоял из золота, платины и серебра. Они стоили самое меньшее десять тысяч золотых франков; это была работа Патека, часового мастера из Женевы. Поскольку женщины из высшего общества не носили карманные или недавно вошедшие в обиход наручные часы, швейцарский часовой мастер Аристид Патек придумал такую брошь — для настоящих леди, желавших знать время. Провидица посмотрела на них издалека, прикоснулась к ним и закрыла глаза.

— Эта брошь и эти маленькие часики внутри нее останутся нетронутыми и через тысячи лет. Я вижу их в руках ученых по другую сторону Атлантики.

— В Америке?

Пифия кивнула, а потом вернулась к основной теме консультации и огласила свой вердикт:

— Уверяю, ваше дорогое дитя Элеонора проживет счастливую и очень мирную жизнь. А теперь я хочу попросить вас кое о чем очень важном.

— Я слушаю.

— Храните эту брошь и револьвер своего покойного мужа в полной сохранности, особенно па-

троны. Когда ваша дочь повзрослеет, вы отдадите эти вещи Элеоноре и накажете ей делать то же самое. Она должна будет поклясться в том, что оставит их собственным потомкам и будет фанатично заботиться о них...

— Но для чего?

— Не пытайтесь узнать. Делайте, как я говорю. Дети Элеоноры еще не умрут, когда этот мир, эта цивилизация разрушится. *Прислушайтесь ко мне, чтобы в далеком будущем мог начаться новый цикл.*

Гадалка говорила тихо, а ее черные глаза, казалось, источали красные искры. Она отказалась от полагавшихся ей 180 франков.

Вдова Сенк-Фора Жанна д'Альбре вернулась домой, в огромное семейное поместье д'Онэ, воспользовавшись услугами одного из новомодных моторных такси. Она долго держала Элеонору на руках, а потом положила ее в кроватку, в объятия кукол. После этого она отстегнула свою красивую брошь с часами, нашла револьвер Амори и положила оба предмета в сейф. Настала ночь. Под ярким, приятным светом электрической лампы, накрытой абажуром (прогресс!), она взяла свою авторучку (снова прогресс) и записала указания для Элеоноры, которые та прочтет, когда достигнет совершеннолетия.

XI

Прекрасная Жанна очень рано состарилась. Она так и осталась вдовой, отвергнув всех ухажеров. В конце концов она себя запустила: ее красота ушла, она заплыла жиром и пала жертвой нескончаемой депрессии. Память о ее первом поцелуе с Амори

27 июня 1914 года в Биаррице, на пляже де-Баск, где они гуляли на закате, неустанно возвращалась к ней, преследуя ее во снах. Тот день, казалось, длился целую вечность: она была на вершине счастья. Ревущие 20-е прошли для нее совершенно незаметно. Она умерла рано, в 1936 году, когда набирал популярность Народный фронт — ей было 42 года. Сочетание анемии и рака были непосильны для медицины того времени. Элеонора де Сенк-Фор, ее дочь, уже будучи взрослой, в возрасте двадцати одного года узнала содержание завещания своей матери в офисе нотариуса. Ей вручили револьвер ее отца вместе с брошью-часами матери. Она поклялась передать их старшему из своих детей, когда придет ее время.

В следующем, 1937 году она вышла замуж за богатого предпринимателя из Нормандии, который был старше ее на пятнадцать лет. Ее муж, Анатолий Риквету, был предприимчивым простолюдином — пионером промышленного производства масла, но хорошим человеком. Пара обосновалась в Кане, на острове Мон-Сен-Мишель, который в то время еще не стал парком развлечений для туристов. Они купили чудесный гранитный загородный дом с видом на залив у подножья аббатства. Они уютно его обустроили, даже сделали уборные в доме, что по тем временам было роскошью, и назвали свое поместье «Блюберд». Элеонора подарила мужу трех сыновей, старший из которых, Жак, родился в 1938 году.

Июньским днем летнего равноденствия 2002 года, после долгих лет вдовства, Мама Лена, как прозвали ее многочисленные внуки, умерла в комфортабельном доме престарелых в Лизьё, недалеко от базилики св. Терезы, в почтенном возрасте восьмидесяти семи лет. Элеонора умерла во сне, «естественной

и безболезненной смертью», как сказал доктор Броль. Но ее старший сын, Жак, которому в то время было шестьдесят четыре года, был очень расстроен тем, что она не получила соборование. За месяц до своей смерти его дорогая мама вверила ему брошь-часы его бабушки Жанны и шестизарядник его деда, жуткую модель 1892 года, заряженную свинцовыми восьмимиллиметровыми пулями с медными гильзами. «Они находятся в сейфе в «Блюберде», в главном доме, на острове Мон-Сен-Мишель. Жак, ты должен охранять их ценой своей жизни, до последнего дня, и передать их своему старшему сыну, чтобы и он, в свою очередь, мог оставить их потомкам».

У Жака было двое сыновей. Первый, Пьер, был блестящим французским гражданином, поступившим в лучшую военную академию в стране. Он родился в 1972 году, и на тот момент ему было тридцать лет. Он уже стал капитаном полиции, отправленным на службу в Ним — неприятное местечко для нормандца. Его ужасало поведение местного населения, добрая часть которого не могла похвастаться французским происхождением. В 2000 году жена Пьера родила ему дочь, которую назвали Жанной, в честь ее прапрабабушки, Жанны д'Альбре.

Единственный ребенок в семье, Жанна Риквету потеряла отца в год своего совершеннолетия, в 2018 году. Офицер полиции погиб под колесами украденной машины в ходе протестных бунтов, охвативших в том году Францию, особенно юг страны. В них участвовало в основном население, состоявшее из мусульманских эмигрантов, чьи требования с каждым годом становились все жестче. Будучи глубоко шокированной этим событием и уже пребывая в депрессии, мать Жанны по имени Мариан покон-

чила с собой спустя несколько недель. Среди прочего, Жанна унаследовала «Блюберд», загородный дом в Мон-Сен-Мишель. Он был слишком большим для девушки вроде нее.

XII

Прежде чем трагически расстаться с жизнью, ее родители арендовали одинокой девушке квартиру-студию в пригороде Парижа, чтобы она могла посещать бизнес-школу. Ее тайным стремлением было покинуть *la Douce France*², как только она получит диплом. Жизнь здесь казалась Жанне все невыносимее, и ей хотелось куда-нибудь уехать — к сожалению, так поступали многие молодые и одаренные коренные французы ее поколения. Но чудовищная смерть ее родителей поставила крест на этих амбициях. Она не могла себе представить, что ей придется провести несколько лет в том аду, каким стал Париж: вездесущая преступность и чувство незащитности, постоянно растущая безработица, постепенное обнищание среднего класса, истощенного налогами с доходов и продаж, и все это на фундаменте неизменной экономической беспомощности. Будучи одинокой симпатичной девушкой, Жанна постоянно жила в страхе, и как только на город опускалась темнота, она запиралась в своей студии в Оне-су-Буа. Многоквартирный дом стоял в том же месте, где некогда жил кто-то из ее предков; она слышала, что в то время это место было настоящим раем.

² «Милая Франция» (фр.) — Прим. пер.

«Как? — спрашивала она себя. — Как могла благословленная Богом Франция оказаться в таком положении?» В глубине души Жанна была уверена, что миру осталось недолго и она доживает в нем последние годы. В 2019 году она, наконец, решила бросить все и поселиться в «Блюберд» на острове Мон-Сен-Мишель. По крайней мере, там еще можно было найти потерянный для Франции рай мирного существования. Она открыла свой бизнес, вложив в его развитие наследство: продавала сувениры ордам туристов. Доходов с продажи могло хватить на достойную жизнь. На первом этаже дома она устроила магазин. А на втором этаже в сейфе лежали револьвер и та драгоценная брошь с часами, которая перешла к ней от прародителей и которую она должна была оставить своим детям, если они появятся. Она не имела ни малейшего понятия почему.

ЭПИЗОД ВТОРОЙ

АПОЛЛОН ВЕРНЕТСЯ

*Взяться за дело, не ожидая выгоды:
что может быть благороднее?*

Сенека

I

Как только Жанна поняла, что пришел конец, она решила передать свидетельства цивилизации будущим поколениям. Использовать носители электронной информации не было смысла: старые DVD-диски, мертвые компьютеры, USB-устройства, которые теперь ни на что не годились, потому что нечем было их читать; сетевое облако без подписчиков... Целый месяц не работали ни интернет, ни телевидение, ни радио, ни смартфоны. Даже электричества не было. Все рассыпалось: это был великий крах. Ничего не осталось, кроме бумаги, но даже она из-за избыточной кислотности не продержится долго и превратится в пыль через тридцать лет.

Ее взгляд упал на сейф. Она подумала, что бумага может продержаться гораздо дольше, если запереть ее там. Она собрала все что могла и уложила в эту маленькую коробку.

Последний в истории номер журнала «Пари-Матч» от 5 июня 2025 года, трезво озаглавленный «Конец», на обложке которого была фотография пылающего Парижа. Номер «Буаси» двухлетней

давности, с некрологом Джонни Холлидею на первой странице. Ее школьный учебник по истории Франции, еженедельник с картами Франции и мира; Библию, копию «Илиады» Гомера, литературные сборники нескольких европейских поэтов; «Политику» Аристотеля. Разные фотографии: Мон-Сен-Мишель, Версальский дворец, вид на аэропорт из Руасси, еще один вид — с башен Ла Дефанс, когда они еще были невредимыми; фото Земли, сделанное со спутника, и так далее.

Но она беспокоилась, что несмотря на все эти меры, все это превратится в пыль или сгниет от влажности. Потом Жанна вспомнила курсы по переплетению книг, которые она посещала в юности: тогда преподаватель сказал ей, что ничто не выдерживает испытание временем так же хорошо, как буквы, вырезанные на мягкой коже, защищенной от влажности.

Для этого прекрасно подойдет куртка Гисси из телячьей кожи за полторы тысячи евро, купленная три года назад в Риме, на улице Корсо. Придется ей пожертвовать. Жанна взяла большие портняжные ножницы и вырезала со спинки драгоценной куртки лист площадью пятьдесят квадратных сантиметров. Она расправила его на обеденном столе и принялась аккуратно вырезать с помощью кончика ножа печатные буквы. Нужно было выражаться лаконично.

*Мон-Сен-Мишель
23 июня 2025 года от Р. Х.*

Люди будущего! Меня зовут Жанна Риквету. Я свидетель быстрого конца цивилизации, рожденной тысячи лет назад. Она постепенно расширялась и разошлась по всей Земле. Нас восемь миллиардов человек. (Она старалась избегать технических или слож-

ных терминов.) *Мы умеем путешествовать по всему миру благодаря летающим и наземным машинам, движущимся с огромной скоростью. Благодаря другим машинам мы можем видеть друг друга, писать друг другу, говорить друг с другом из разных концов Земли. Мы обмениваемся вещами со всеми народами Земли, от одного конца океана к другому, благодаря громадным лодкам длиной в триста метров. Мы строим здания высотой с холмы. Но наш мир разрушается. Это результат многих катастроф, которые начались около десяти лет назад.*

Она подумала, что нет смысла вдаваться в детали. На это нет времени.

Жанна вспомнила о Розеттском камне, который Шампольон смог расшифровать благодаря греческой версии того же текста. Она перевела свой текст на иностранные языки, которыми владела, — итальянский и английский. Сравнив все три, лингвистам будущего будет проще сделать перевод. Она также сопровождала тексты диаграммами и рисунками, немного неаккуратно вырезанными на коже: самолет, автомобиль, два человека, общающихся друг с другом на расстоянии посредством экрана. Она кратко объяснила значение каждого рисунка, записала алфавит, числа, несколько простых математических формул. Нарисовала таблицу с метрической системой мер. На это ушел целый день. Нужно было торопиться, потому что этнические банды осквернителей и мародеров совсем скоро доберутся до места, в котором она жила.

II

Когда Жанна закончила, она положила кусок кожи в один из абсолютно водонепроницаемых пакетов, которые продавала в магазине внизу, — чтобы еще сильнее увериться, что ее послание сохранится. Пакет также должен был защищать содержимое от влажности в самом воздухе. Это был мягкий цилиндр гибкого ярко-оранжевого углеродного пластика. Но там осталось еще немного места, и у девушки появилась другая идея: она плотно уложила в пакет несколько имевшихся у нее драгоценностей, а также свой смартфон, теперь немой и потухший. Сейчас он был бесполезен, но мог заинтриговать археологов будущего — если они когда-нибудь появятся, если цивилизация когда-нибудь утвердится снова. В своей маленькой коробке смартфон содержал знания о принципах телефонии, радио, оптики, передачи телевизионного сигнала, электроники...

Ее угнетал не страх смерти и не голод, который уже ощущался (консервированных запасов еды хватало только на десять дней, и она строго себя ограничивала), а чувство острой ностальгии по теперь уже древнему миру. Но прежде всего ей не давала покоя мысль, что эту глобальную цивилизацию, которая, как свечка, расплавилась в потасовке всемирного масштаба, почти полностью построили европейские народы, огромная когорта ее предков, которым подражал весь остальной мир. Но они позволили проникнуть в свой организм вирусу. Трагедия состояла в том, что они стали слишком недружелюбными к самим себе и слишком открытыми — к миру. Жанна вспомнила, что когда мир еще нормально функционировал (чудесные деньки, бабье лето), ко-

гда она была подростком, ей попадались тексты нескольких запрещенных из-за повестки того времени авторов. Их мысли преследовали идеологи цензуры и судьи, но именно эти люди очень точно предсказали, что случится. Ее отцу удалось достать эти работы прямо под носом своих военных начальников.

Она вспомнила пассаж, который объяснял, что сама идея глобальной цивилизации — это смертельная ловушка, которая могла закончиться только безжалостным схлопыванием глобальной системы. Она запомнила предложение, которое потрясло ее: «Попытка объединить разнородное человечество в однородную систему всегда закончится взрывом».

У Жанны по-прежнему была эта немного пожелтевшая пророческая книга. Она нашла ее и поспешно запихнула в цилиндрический пакет с другими вещами. И вдруг, когда Жанна открыла сейф, она увидела по-прежнему заряженный револьвер и брошь. У нее захватило дух.

III

Это был служебный револьвер ее предка, Амори де Сенк-Фора, погибшего под Верденом более века назад. Брошь, которая принадлежала его супруге, Жанне д'Альбре, скрывала под крышкой часовой механизм из золота, серебра и платины. Исключительно ценное изделие. Эти два предмета, согласно семейной традиции, непременно должны были передаваться потомкам, их *ни в коем случае* нельзя было отдавать кому-нибудь на сторону. Согласно семейному преданию, установить этот странный порядок ее прабабушке приказала гадалка — некая Дельфи-

ния Пифия, гречанка, будоражившая умы высшего общества в конце Прекрасной эпохи. Говорили, что она предсказала крушение Титаника.

Пусть так, но Жанна так и не вышла замуж, у нее не было потомков. Револьвер очень пригодился бы ей для самозащиты, а часы можно было бы на что-нибудь обменять в этом новом мире примитивной жестокости. Но она не могла заставить себя забрать эти вещи из сейфа и присвоить их. Странная сила удержала ее. Что если предание было правдой? Что если предсказательница видела, что эти объекты должны достаться именно ей, ведь на ней род прерывался? И все для того, чтобы она могла передать их не своим непосредственным потомкам в строгом смысле слова, а людям будущего. Возможно, этим двум вещам уготована какая-то важная судьба?

Жанна положила их в пакет и закрыла сейф. Она безмолвно плакала. Девушка вышла на балкон второго этажа своего дома и посмотрела на вершину Мон, на иглу, венчавшую аббатство. Уже было без четверти десять, и объятые кровавым пламенем солнце уходило за залив. Но вот уже несколько месяцев ни одна цифровая камера не могла запечатлеть этот пейзаж. Возможно, это был последний спокойный закат. Смерть солнца?

Не было слышно ни чаек, ни бакланов, как будто бы они тоже сбежали. Все, что она слышала, — это шепот волн, сбегających по берегу вниз, под глухим дуновением западного ветра. Колокольная башня аббатства призывала своей песней к последней молитве. Лебединая песня. Она взмывала ввысь посреди заброшенных, разрушенных домов.

IV

Паника продолжалась две недели. Жители острова Мон-Сен-Мишель бежали, сами не зная куда, надеясь осесть хоть где-то. Перед лицом жесточайшего хаоса людям с короткой памятью не пришло в голову собраться вместе, чтобы сообща противостоять беспорядку. Наоборот, они рассеялись и разбежались. Даже маленький отряд полиции, который должен был представлять государство и защищать население, дезертировал месяц назад, так как источника его приказов — государства — больше не было. Каждый был сам за себя. Во время долгого падения Римской империи новый защитный порядок, ставший прелюдией Средних веков, сложился сам собой. Теперь же не происходило ничего подобного. Сплошной хаос.

На покинутом острове Мон осталось всего лишь около полусотни людей, и все они были стариками — настоятель аббатства, пара монахинь, старый монах... Ни одного ребенка. Жанна была единственным представителем молодого поколения. Но она решила, что ее долг — остаться. В любом случае идти было некуда. Она выполнила свою миссию. Последние новости о внешнем мире, которые она слышала, прозвучали из радиоприемника, работавшего от батареек. Радиостанция называлась «Франс-Интер», и она все еще вещала из Парижа, из подвалов «Дома радио» при помощи электрогенератора. Всего одну вечернюю программу, в восемь часов. От новостей у нее побежали мурашки по спине. Прошлым вечером оставшиеся жители Мона собрались в деревенской мэрии, чтобы послушать новости. Монотонный голос ведущей произнес послед-

ную литанию старого мира: «Это наша последняя новостная передача. Президент Республики исчез. Пожалуйста, постарайтесь собрать силы вместе, если это возможно... (Всхлип). Теперь и мы должны бежать. Да здравствует Республика! Да здравствует Франция! (Всхлип). Прощайте».

Жанна отправилась под неф³, где настоятель читал свои праведные заклинания перед стариками, стоявшими на коленях. Его сильный голос начал петь Апостольский символ веры на латыни, сопровождаемый органной музыкой в исполнении старого монаха-музыканта, из-за которой задрожали своды. Жанна не слушала. Она больше не станет слушать, пусть это и великолепно. Уже слишком поздно. Ее взгляд взлетел к нефу, витражным окнам, изысканным украшениям этого мощного архитектурного строения. Совсем скоро всего этого не станет. Оно будет сломано, сожжено или просто унесено северозападным ветром.

V

Она вышла из церкви и пошла в сторону высокого вала. Покидая свой дом, «Блюберд» (несомненно, в последний раз), она уже предчувствовала, что ее ждет смерть. Издалека слышались шум и крики.

Она взглянула на уходящую вверх дорожку, соединявшую полуостров с сушей. Нет, в последних лучах закатного солнца с парковки шла уже не одна

³ Неф — вытянутое помещение, часть интерьера, ограниченное с одной или с обеих продольных сторон рядом колонн или столбов, отделяющих его от соседних нефов. — *Прим. перев.*

из обнадеживающих толп туристов старого времени. Это была грозная орда неопрятных молодых мужчин с бронзовой кожей. Она прикинула, что их около трех сотен, и они были вооружены, некоторые — огнестрельным оружием. Она начала различать их вопли. Ей казалось, что в отдалении она слышит возглас: «Аллах Акбар!» Они пришли в поисках добычи и отмщения, чтобы насиловать, убивать и осквернять. Далеко позади них виднелся столб черного дыма. Вероятно, горела деревня Понторсон, которую они подождли, прежде чем двинуться дальше.

До прихода этих варваров оставалось, может, два десятка минут. Она размышляла о самоубийстве. Может быть, стоит сброситься с вершины вала в Ламанш? Но это было ниже достоинства потомка маркиза де Сенк-Фор, погибшего в бою. Она медленно спустилась на дамбу и решительным шагом пошла навстречу орде темных, нелепых безумцев. Она встала между ними и Моном, оперев руки в бока, прекрасно зная, что ее убьют, изнасилуют и разорвут на части. И когда они приближались, она прокричала этим подонкам странный куплет, который слышала в детстве, хотя и не понимала, что он означает. Внезапно его смысл стал ясен, как день: «Однажды Аполлон вернется, и на сей раз — навсегда».

Конец ознакомительного фрагмента.